

Л. Крепъён

РОДНЯ. КРЕПИОН
ПРАДЕДЫ

Л. Крепьён

Родня. Крепион. Прадеды

«Издательские решения»

Крепъён Л.

Родня. Крепион. Прадеды / Л. Крепъён — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512333-6

Какой-нибудь предок мой был — скрипач, Наездник и вор при этом. Не потому ли мой нрав бродяч, И волосы пахнут ветром! М. Цветаева

ISBN 978-5-00-512333-6

© Крепъён Л.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
Часть I. Alexandre Crepion (1790—1861)	9
Чуть-чуть истории...	9
Ярославль	11
Кострома. Галич. Макаровы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Родня. Крепион Прадеды

Л. Крепъён

***КАКОЙ-НИБУДЬ ПРЕДОК МОЙ БЫЛ – СКРИПАЧ,
НАЕЗДНИК И ВОР ПРИ ЭТОМ.
НЕ ПОТОМУ ЛИ МОЙ НРАВ БРОДЯЧ,
И ВОЛОСЫ ПАХНУТ ВЕТРОМ!***

М. Цветаева

*Редактор Д. Шейнтова
Корректор Д. Шейнтова*

© Л. Крепъён, 2020

ISBN 978-5-0051-2333-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

«Все можно узнать, было бы только желание».

А. П. Чехов.

Я с детства терпеть не могла свою странную фамилию по сравнению с «нормальными» Ивановыми, Смирновыми и т.д.: слишком много издевательств и насмешек претерпела я из-за нее. На мои расспросы папа отвечал что-то о французских корнях, однако тогда мифический образ абстрактного француза не зацепил мое воображение, и лишь спустя десятилетия этот детский интерес вдруг возник вновь и больше не давал покоя. Но уже не было на свете ни папы, ни мамы, и расспросить было некого. А что мне было известно? Ровным счетом ничего! Разве что деда звали Александром, поскольку папа – Александрович. Вдобавок прибавлялась путаница с фамилиями. У папы были родные брат и сестра, но почему-то их фамилии писались иначе: у сестры – Корпион, у брата – Крепион, у папы – Карпион. Почему разные, какая верная?

Мне захотелось разобраться во всем этом и хоть что-то узнать о своем французском прапрадеде. Составив для стимула таблицу рода с сиротливыми клеточками, я начала действовать.

Сначала написала двоюродному брату Жене в далекий Челябинск, и он ответил, что когда-то его мама, моя тетья Серафима Александровна, рассказывала ему о семейной легенде:

«Молодой парень пришел с армией Наполеона к нам в Россию. Он попал раненый в плен и был взят одним из ярославских дворян к себе в дом для обучения французскому языку своих чад. Прижился, женился, и пошёл наш род». Однако Женья не знал ни имени бабушки, ни причин разночтения фамилий.

Далее в поисках информации я поехала к двоюродной сестре Татьяне в ее ярославское «имение» Меньшиково. Мою идею о поиске французского пращура она приняла с восторгом и безоговорочно поверила в успех предприятия. Мы стали разбирать ее семейный архив, и в старенькой бабушкиной сумочке, где хранились пожелтевшие листочки старых документов (дожидаясь, видимо, своего часа,) мы обнаружили несколько важных бумаг.

Во-первых, копию свидетельства о рождении ее отца, Николая Александровича, старшего брата моего папы. Там были указаны его родители: Александр Дмитриевич и Ираида Степановна Крепион. Вот и появились в таблице неизвестные ранее имена, уточнилась и правильная фамилия – Крепион!

Во-вторых, нашлась автобиография дяди Коли, где он писал:

«Отец помер, когда мне было пять лет. В 1919 году после Ярославского мятежа 1918 года мать нас всех троих отдала в детский дом, т. к. не в состоянии было прокормить, а сама поступила работать тоже в детский дом».

Это была ценнейшая информация, и она стала отправной точкой. В ней крылась и причина путаницы с фамилиями. Осталось только среди десятков детских домов Ярославля найти детей Крепион и их мать Ираиду.

Так началось мое целеустремлённое систематическое расследование.

В июне 2010 года я сидела в Ярославском архиве и день за днем штудировала «Дела ярославских детских домов с 1919 по 1925 гг». В те времена в Ярославле было более двадцати детских домов. Это тысячи и тысячи страниц отчетов, заявок, списков, справок и пр., пр. – огромные пухлые тома с пожелтевшими листами и неразборчивыми почерками. Но я упорно листала, вчитывалась и опять листала все тома подряд! И – нашла!! Всех!!

На родовом древе стали появляться новые листочки, и одновременно возникали бесконечные вопросы, вопросы...

Конечно, незаменимым помощником стал интернет. Я требовала от поисковика информацию о фамилии Крепион. И под моим напором он сдавался.

На сайте ВГД (Всероссийское генеалогическое древо) я наткнулась на некую Елену, которая еще в 2004 году разыскивала своего деда Д. Д. Крепион родом из Костромы. Написала ей, но указанного адреса уже не существовало. И все-таки я ее разыскала. Ею оказалась моя троюродная племянница Лена (из рода Крепион).

На сайте ЯрИРО (Ярославского исторического родословного общества) познакомилась еще с одной троюродной племянницей, живущей в Череповце, Жанной (из рода Крепион) и тоже с костромскими корнями.

В социальной сети «Одноклассники» я нашла Дрона (Андрея) Крепион, ныне жителя Иерусалима. Написала ему, и что же? Оказывается, и он из Костромы, там родился его прапрадед. И Андрею была известна история о пленном французском солдате; однако он утверждал, что после плена француз остался где-то под Москвой! Как так? Ведь Москву я даже не рассматривала, поскольку речь все время шла о Костроме.

Эта информация стала неожиданностью, но дала новое направление поиску и принесло результат. Именно в московском архиве я обнаружила документы своего родного прадеда, Дмитрия Александровича Крепион, который и объединяет всех выше перечисленных мною родственников.

Чтобы достичь поставленной мною же перед собою же цели, я обошла, объездила, сделала запросы в десятки архивов; просмотрела и проанализировала немалое количество архивных документов; проштудировала труды отечественных специалистов по военнопленным 1812 года и воспоминания самих французских пленным. Нужно было понять алгоритм ассимиляции пленным французам в России: какие инстанции проходили, где могли «наследить».

Информация меня оглушала, захлестывала. Я анализировала, сопоставляла, распутывала, разгадывала как детектив. После лихорадочных метаний из стороны в сторону, хватания за ненужные документы, колоссальную, но ненужную потерю времени и сил, пришло более-менее четкое понимание алгоритма работы.

И вот уже образы ранее абстрактных фигур из далекого прошлого становились все четче и обретали в сознании не только плоть: я явно ощущала свою кровную связь с ними, понимала истоки своей индивидуальности, чувствовала силу рода (извините за пафос). Все это подогрело мой азарт и все больше внушало мне уверенность, что я добьюсь своего. И я-таки нашла его!!! Нашего пленного француза звали Alexandre, а его отца – Michael.

Это было трудно, утомительно, но невероятно увлекательно. Счастливые дни! Честно скажу, я не ожидала, что изучение родословной доставит мне столько удовольствия. Боже, это такой азартный процесс! Порой ищешь ключевой документ месяцами, уже теряешь надежду, и вдруг...! Эмоции бумага передать не может...

Я уже не говорю о мощной образовательной составляющей поиска. Изучение истории страны не по идеологизированным книгам и учебникам, а по первоисточникам, через судьбы своих дедов и прадедов открывает несколько иные исторические ретроспективы. Мне очень хотелось отразить ту эпоху, в которую жили наши Пра; ведь как говорил Гейне: *«под каждой могилой лежит всемирная история»*. Поэтому рассказ выстраивала как историко-биографический.

Сколько таких фолиантов я пересмотрела... не счесть!

А знакомство с Чеховыми? Это же невероятное открытие! Рядом с именами Крепион все время возникали фамилии неких В. П. Малышева и А. Д. Макаровой. Кто такие, откуда, что их связывало? На мои запросы инет выдавал лишь воспоминания о Чехове, где упоминался инспектор народных училищ В. П. Малышев. Ссылка мне показалась сомнительной, но все же я решила в нее углубиться. Это «углубление» вскрыло целый пласт событий и фактов из жизни наших родственников Крепион в XIX веке.

К сожалению, невозможность частых и длительных пребываний в Ярославле и Костроме¹ стала препятствием к продолжению исследования, и много вопросов пока остается без ответа.

Еще одно неожиданное обстоятельство осложняло мои поиски: не все родственники делились им известной информацией и фотографиями, а ведь насколько фактологически полнее и зримее стал бы мой рассказ.

И, конечно же, я нижайше кланяюсь в ножки своей дочери Даше. Её горячая молодая энергия, во всем меня поддерживающая, не позволявшая опускать руки, и привела в результате к нескольким написанным книгам, строгим редактором которых она и стала.

Да, все получилось. Я сделала это и, без ложной скромности, скажу, что горжусь сим обстоятельством. Вопросов по родословной осталось много. Но все эти тайны не за семью печатями: архивы открыты для всех желающих. Может кто-то из наших детей или внуков захочет восполнить пробелы. А пока, как говорили древние – Feci quod potui, Gui potest, Eum melius².

P.S. Полагаю, не стоит объяснять, что отчасти изложение носит гипотетический характер.

¹ Костромской архив – главный источник сведений о нашем французе.

² Я сделал что мог, кто может, пусть сделает лучше меня (лат.)

Часть I. Alexandre Crepion (1790—1861)

Чуть-чуть истории...

«Через 5 лет я буду господином мира. Остается одна Россия, но я раздавлю ее».

Наполеон

«Наполеон вошел с 480 000, а вывел около 20 000, оставив нам не менее 150 000 пленных...».

Кутузов

Первый представитель рода Крепион, двадцатидвухлетний Alexandre Crepion, вступил на русскую землю как захватчик. Это был июнь 1812 года, Наполеон шел завоевывать Россию. Стратегия была такова: далеко не заходить, дать приграничный бой и разбить русских. В первых приказах Бонапарта говорится именно о 20-дневной кампании: иметь продовольствие на 20 дней, боеприпасы на 20 дней и так далее. Но давно уже миновали эти 20 дней, а запланированной победы не было и в помине. Русские вели себя странно: на серьёзные бои не шли, отступали, и французам волей-неволей приходилось всё глубже увязать в неприятельской территории. Только через месяц после вторжения в Россию в русской глубинке произошло, наконец, долгожданное для Наполеона генеральное сражение – знаменитое Бородино. Результат всем известен: «Москва французам отдана». Известно и дальнейшее. Когда Наполеон с войсками вошел в город, улицы белокаменной были безлюдны, а Москва в ту же ночь запылала.

Великая многонациональная армия постепенно превращалась в мародерствующее неуправляемое стадо. Не солоно хлебавши, Наполеон вынужден был покинуть Москву, приказав напоследок взорвать Кремль.

«Стояла прекрасная погода, когда мы выступили оттуда 19 октября», – записал участник похода Анри Бёйль (будущий писатель Стендаль). Но тепло оказалось обманчивым. Морозы ударили внезапно и крепко. Отступление стало трагичным: на непокоренной земле остались тысячи и тысячи пленённых и мертвых воинов.

Отступающие, голодные, замерзающие солдаты и офицеры, уцелевшие в боях, теперь больше всего боялись попасть в руки партизан – там ждала смерть лютая. Населению внушалось, что злодей-француз не просто враг, а некрещёный враг, и потому *«вали его живого и мёртвого в могилу глубокую»*³. Последнее исполнялось буквально: крестьяне зарывали «басурман» живём, искренне считая, что коли враги своей смертью в земле помрут, то они не будут отвечать за убийство перед Богом.

Один русский офицер, проезжая мимо освобожденной русской деревни, видел, как крестьяне, положив пленных в ряд головами на большом поваленном стволе дерева, шли вдоль него и разбивали головы дубинами. О подобных расправах вспоминал и бывший военнопленный: *«Я видел, как одного пленного француза продали за двадцать рублей крестьянам, которые облили его кипятком из котла, а затем посадили на кол. О, ужас! От этого содрогается человеческая природа! Русские женщины ударом топора убивают пленных и мародеров, которые заходят в их селения»*.

³ Из воззвания московского губернатора Ростопчина.

Одно свидетельство чудовищнее другого: *«В одной из деревень Калужской губернии крестьяне при прохождении партии пленных выкупили у конвоя несколько десятков человек, которых тут же живьем закопали в землю». «Крестьяне сжигали пленнх живьем, заперев в деревянных строениях; сжигали, обмотав тела соломой или облив горючим материалом, насаживали на кол, запарывали вилами, топили; казаки продавали их за пятак бабам и детишкам для медленного умерщвления; раненых солдат в плен не брали, добивали».*

Историки рассказывают, что когда партизаны и ополченцы вошли в Москву и увидели разграбленные храмы, растоптанные сапогами иконы, они сгоряча, в мстительном порыве умертвили в лазаретах 4000 больных и увечных иноверцев.

Колонны военнопленных партиями по 2—3 тысячи человек двигались в различные российские губернии в своей лёгкой одежде и ветхой обуви. В дороге их ждал другой ад – русские морозы.

Вот как описал это бывший пленный француз Мерсье Франсуа:

«7-го декабря термометр упал до 35 градусов. Страшная угроза голодной смерти побуждала кое-кого не брезгать даже человеческим мясом. Случалось, что люди, чувствуя уже себя в объятиях смерти, собирали последние силы и поднимались с ужасом среди ночи на ноги, чтобы в таком положении продолжать борьбу с начавшейся агонией. Скованные морозом, в последних предсмертных конвульсиях, они продолжали стоять до утра в том же положении, навеки неподвижные и оледеневшие, прислоняясь к стене какого-либо строения или к стволу дерева. Трупы их оставались в таком положении, пока их не отрывали оттуда, чтобы предать сожжению. Затем, когда все эти трупы были собраны в одно место, казаки разложили огромный костер и стали бросать в него останки наших несчастных сотоварищей, но при этом иногда случалось, что в огонь бросали людей, еще не испустивших последнего дыхания. Оживая на мгновение от неимоверной боли, эти несчастные, заживо сжигаемые, оканчивали свою агонию в невероятных криках».

Адъютант Наполеона Ф. де Сегюр записал:

«Вместо великой победоносной московской колонны была вереница призраков, покрытых лохмотьями, женскими шубами, кусками ковров или грязными, продырявленными выстрелами шинелями, призраков, ноги которых были завернуты во всевозможные тряпки». «Ночь, холод, голод, гибель массы офицеров, массы раненых, которых бросили и которые в отчаянии катались по окровавленному снегу». «Повсюду в то время можно было видеть разбросанными по дороге драгоценные вещи, из-за которых в Москве было немало ссор во время грабежа. Менее сильные и выносливые из солдат, цепenea от холода, предпочитали бросать оружие и отдаваться в руки казакам».

Как попал в плен Александр Крепъён⁴: во время ли боя, схвачен ли был партизанами или при иных обстоятельствах? Казалось бы, на эти вопросы уже невозможно ответить. Но как знать: сколько еще нетронутых документов пылятся в архивах...

⁴ Именно так писалась изначально наша фамилия, позже трансформированная в Крепион.

Ярославль

Итак, военнопленных русское правительство отправляло партиями вглубь империи: было выбрано пять губерний. В одну из них – Пермскую и предстояло попасть Александру. Из Московской губернии через Переславль-Залесский и Ростов половина пленных двигалась пешком, не получая ни денег, ни провианта, а *«кормились в пути единственно тем, что обыватели из жалости им уделяли»*. Среди бывших воинов французской армии было много больных, и в результате многие, с трудом добравшись до Ярославля, падали замертво.

В Ярославле было два начальника: генерал-губернатор принц Ольденбургский и гражданский губернатор князь Голицын, по-разному смотревшие на проблему военнопленных.

Обретя в лице оборванных и больных военнопленных чудовищную проблему для своего тихого патриархального города, Голицын сразу заявил, что ярославская казенная палата не может отпускать деньги на одежду и обувь для пленных, и принял решение отправить злополучную партию дальше. Однако возмущенный принц Ольденбургский потребовал немедленно вернуть партию: сначала вылечить и одеть⁵.

В Ярославле их разместили на площадях: Ильинской (ныне Советской) и Плацпарадной (ныне Челюскинцев). На площади у храма Ильи Пророка находился целый лагерь военнопленных. *«В великом множестве начали пригонять пленных, и поворотиться в городе было трудно»*, – записывал в дневник писатель Ф. Ф. Вегель.

Для провинциальных обывателей это было чрезвычайное событие. Со всех сторон сбегались посмотреть на живых французов; один из них позднее расскажет: *«Толпа зевак смотрела на нас как на диких зверей. Ни с одним из жителей я не мог завязать разговор, всякий бежал от меня как от бешеного волка»*.

Иную, излишне романтизированную картину рисует графиня Нарышкина: *«Надо отдать справедливость ярославцам того времени: сострадание их к обезоруженному врагу было безгранично. Каждый раз, когда обоз с пленными появлялся на площади, можно было видеть, как тотчас же со всех сторон туда устремлялись разного рода люди с корзинками, наполненными провизией и одеждой. Эти несчастные были по большей части одеты в лохмотья, вместо обуви они обертывали ноги соломой или кусками войлока. К концу октября холода стали невыносимыми для полуголых людей и сердце сжималось при виде страданий, переносившихся с поразительным мужеством и веселостью. После нескольких дней отдыха пленные могли продолжать свой путь обильно снабженные всем необходимым, что могло предохранить их от холода»*.

В воспоминаниях Нарышкиной как раз и отразилась политика Ольденбургского: накормить, одеть и только потом продолжить «путешествие».

К ноябрю в Ярославле скопилось до двух тысяч пленных, которых стали расселять по ближайшим деревням. Казенные средства, выделяемые на их содержание, никак не контролировались, что порождало злоупотребления и коррупцию. Так, например, лица, сопровождающие партии на поселение, присваивали себе выданные деньги, вступали в сговор (не бескорыстно, разумеется) с жителями богатых деревень и не приводили к ним больных французов на постой, а вынуждали едва стоявших на ногах людей делать изнурительные переходы в дальние маленькие убогие деревеньки.

Чтобы в самом городе не возникла эпидемия привнесенных заразных болезней (чесотки и горячки⁶), больных пленных по-возможности старались изолировать. Избы, где находились больные, предписывалось вымораживать и выкуривать можжевельником.

⁵ Принц руководствовался европейскими нормами международного права в отношении военнопленных.

⁶ Осматривая один из госпиталей, принц Георгий Ольденбургский сам заразился горячкой и умер в ночь с 14 на 15 декабря

Сохранился любопытный циркуляр Департамента медицины, в котором рекомендовалось при входе в больницу *«во отвращение прилипчивости болезни держать во рту кусок хлеба, обмоченного в ореховое, коровье, конопляное или льняное масло; по выходе на чистый воздух хлеб следовало выбросить»*.

Умерших пленных французов, не перенесших тягот похода, хоронили в отдалении от православных погостов. Тела заворачивали в лошадиные попоны и укладывали в братские могилы (курганы). Под Ярославлем, недалеко от деревни Меньшиково, находилось одно из таких «французских» кладбищ⁷, и о нем до сих пор помнят местные жители.

В Ярославском архиве (ГАЯО) сохранилось несколько документов 1812—1814 гг., по которым я реконструировала дальнейший маршрут военнопленных. Из Ярославского уезда их сначала отправляли в Кострому, а оттуда планировалось конвоировать дальше. Но высокая смертность среди пленнх вынудила российское правительство приостановить их дальнейшее перемещение. Был издан Циркуляр, требовавший, чтобы *«все пленные без изъятия оставлены были там, где повеление их достигнет, и отнюдь далее не были отправлены»*.

Александра Крепёв это повеление достигло в губернском городе Костроме.

1812 года.

⁷ Сейчас на этом месте деревни Дедова Гора и Алексино.

Кострома. Галич. Макаровы

В Костроме, как и в Ярославле, тоже не избежали искуса поживиться за счет казенных средств, предназначавшихся на содержание пленных французов. И видимо так лихо воровали на всех уровнях, что, как следует из архивов, даже губернатор Пасынков был привлечен к суду за злостные злоупотребления и пропажу больших сумм денег. Но это так, к слову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.